ЦЕНТР БЕЗОПАСНОСТИ

ДЕНЬ

Окончание.
Начало — в №№ 19-20

Андрей ФУРСОВ

ПОВОРОТ К НОВОМУ

Карл Маркс: 200 лет спустя

ОДНО из некритических заимствований Марксом у буржуазного либерального обществоведения — понятие буржуазной революции. Разумеется, в конечном счёте главным бенефициаром революций эпохи капитализма в его ядре (прежде всего) становилась буржуазия. Однако, во-первых, это не значит, что она была ударной силой революций: даже в революциях 1848 г. этой силой были трудящиеся докапиталистического, доиндустриального типа. Как здесь не вспомнить тезис Баррингтона Мура о том, что великие революции рождаются не из победного крика выходящих классов, а из предсмертного рёва тех классов, над которыми вот-вот должны сомкнуться волны прогресса — буржуазного. Этот рёв, его энергию и использует буржуазия, недаром по поводу революции 1848 г. и её результатов Маркс и Энгельс написали, что теперь мы понимаем, какую роль в революциях играет глупость и как мерзавцы её используют.

Во-вторых, как писали ещё в "Немецкой идеологии" сами Маркс и Энгельс, класс (слой или группа, добавлю я), совершающий революцию, выступает не как класс, а как представитель всего общества, как представитель "всеобщих" интересов. Эта "всеобщность" есть результат того, что интерес данного класса (слоя, группы) до поры более или менее связан с интересом всех остальных негосподствующих классов. "На полях" авторы "Немецкой идеологии" отмечают: "Всеобщность соответствует: 1) классу contra (против) сословия; 2) конкуренции, мировым сношениям и т. д.; 3) большой численности господствующего класса; 4) иллюзии общих интересов. В начале эта иллюзия правдива; 5) самообману идеологов (подч. мной. — А.Ф.) и разделению труда".

Иными словами, на какое-то, довольно короткое, но весьма плотное, насыщенное время "ударником" революции выступает субъект, объединённый единым интересом. Интерес этот носит негативный по отношению к существующей системе характер; в случае победы он начинает наполняться позитивным содержанием, и тут-то и начинается "использование глупости мерзавцами", новые "толстяки" либо берут верх над "просперо" и "тибулами", либо последние сами превращаются в новых "толстяков". В любом случае революция есть субъектный акт и процесс, обретающий отчётливые системные классовые характеристики только впоследствии. Время революций — это формально краткий миг по сравнению с этим "впоследствии". Однако по своему удельному хроновесу этот краткий миг — "миг-вечность" субъектного взрыва — почти не уступает длительному системному ходу вещей, наступающему после него. Этот миг из разряда шагов, которые длиннее жизни. Поэтому о "буржуазной революции" мы должны говорить очень осторожно, к этому разряду "на 100%" можно отнести только одну революцию — "славную" 1688 г. в Англии, сделанную буржуазией и для буржуазии.

Понятно, что схема "буржуазная революция" нужна была Марксу для обоснования пролетарской революции и её неизбежности. Однако: а) он сделал это с нарушением своих же методологических принципов анализа диалектики субъекта и системы; б) пролетарских в строгом смысле этого слова революций не было так же, как и "строгих" буржуазных революций. По сути это в конце жизни признал Лев Троцкий, написавший: "Мы вынуждены будем признать, что дело <…> во врождённой неспособности пролетариата стать правящим классом". И это естественно: пролетариат никогда не был полноценным субъектом антикапиталистической революции.

Два — внешне — парадокса: 1) чем ближе к ядру капсистемы, тем меньше революционная активность пролетариата, тем меньше успех антикапиталистических революций; 2) чем дальше от ядра капсистемы, чем меньшую долю трудящихся составляет пролетариат, тем успешнее антикапиталистические революции.

Однако парадоксальность эта — внешняя. На самом деле, всё логично: в ядре капсистемы у интегрированного в индустриальную и национально-государственную систему, а следовательно дисциплинированного и в той или иной степени пропитанного господствующими ценностями — буржуазными (уважение к собственности, к накопленному, овеществлённому труду, т. е. к вещественной субстанции, к времени — упорядоченному времени, т. е. к порядку и т. д.) есть жёсткий ограничитель его революционности. Это сам капитал как овеществлённый труд, капиталистическая собственность вообще и капитал как собственность в качестве её элемента. Это очень хорошо понимали внешние по отношению к ядру капсистемы, к Западу, наблюдатели и мыслители, прежде всего русские — Герцен, Данилевский, Тихомиров.

Ограничусь одной цитатой из воспоминаний Льва Тихомирова. Путешествуя по Западной Европе (Франции, Швейцарии), он писал: "Перед нами открылось свободное пространство у подножия Салев, и мы узнали, что здесь проходит уже граница Франции. Это огромное количество труда меня поразило. Смотришь поля. Каждый клочок огорожен толстейшей, высокой стеной, склоны гор обделаны террасами, и вся страна разбита на клочки, обгорожена камнем. Я сначала не понимал загадки, которую мне всё это ставило, пока, наконец, для меня не стало уясняться, что это собственность, это капитал, миллиарды миллиардов, в сравнении с которыми ничтожество — наличный труд поколения. Что такое у нас, в России, прошлый труд? Дичь, гладь, ничего нет, никто не живёт в доме деда, потому что он при самом деде два-три раза сгорел. Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось давно, и корова издохла. А здесь это прошлое охватывает всего человека. Куда ни повернись, везде прошлое, наследственное… И невольно назревала мысль: какая же революция сокрушит это каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут, как моллюски в коралловом рифе".

Из сказанного Тихомировым следует: революция может сокрушить только социумы, обладающие небольшой вещественной субстанцией, — те, в которых накопленный труд (капитал и есть накопленный, овеществлённый труд, реализующий себя как самовозрастающая собственность) не задавил живой труд и его формы организации. Это ясно при взгляде на мир ядра капитализма извне; герр доктор Маркс смотрел изнутри и потому ожидал пролетарскую революцию, отождествляя к тому же с пролетариатом "опасные классы", живущие в социальной зоне со слабым "содержанием" накопленного труда.

"Абортивная" революция 1923 г. в Германии со стеклянной ясностью показала неготовность, пожалуй, самого организованного пролетариата Запада крушить "вещественную субстанцию" ради победы революции и построения социализма. Эрнест Хемингуэй, который в качестве репортёра был в Германии в 1920-х годах, описывает следующую историю. Полиция окружила шахту, в которой забаррикадировались шахтёры. Началось "стояние", переговоры, ни одна из сторон не шла на уступки. Хемингуэю разрешили спуститься в шахту, взять интервью. Во время интервью он спросил немецких пролов, почему они не пригрозят взрывом шахты — власти, если та не пойдёт на уступки. Реакция немецких шахтёров была такова: как можно? Это же результат труда многих поколений! Наконец, это собственность. Недаром Бухарин, издеваясь, говорил, что во время событий 1923 г. немецкие рабочие убегали от стрелявших в них полицейских, стараясь не затоптать газон.

Разумеется, согласно Марксу, антикапиталистическая революция должна была быть не только пролетарской, но и иметь мировой характер и стартовать в наиболее развитых странах.

ЕЩЁ ОДНИМ заимствованием Маркса у буржуазной политэкономии, точнее, у Давида Рикардо, была "трудовая теория стоимости". Разумеется, стоимость создаётся в процессе труда самим трудом. Однако не только трудом. Физиократы верно отметили роль природы в этом процессе. Маркс говорил о производительных силах природы; в марксистской традиции В. В. Крылов развил эти идеи в теорию естественных (натуральных) производительных сил. Однако в процесс создания стоимости эти силы, включаемые человеком в социальный процесс, Маркс не включил, ограничившись трудом, т. е. рабочей силой человека.

Далее. На создание стоимости влияют организационные факторы, внеположенные труду, точнее, действительному процессу производства как одной из пяти фаз совокупного процесса общественного производства (распределение факторов производства; действительный процесс производства; распределение продуктов производства; обмен; потребление).

Здесь же необходимо отметить и роль внеэкономических факторов — и в создании стоимости, и в её распределении. Когда мы говорим о необходимой и прибавочной частях создаваемого продукта, т. е. о необходимом продукте и прибавочном продукте, проведение грани между ними, отделение одного от другого в производственно-экономическом плане теоретически вполне возможно, и это разделение работает. Однако поскольку, как заметил Побиск Кузнецов, КПД любой энергетической системы не может быть больше единицы, некая надстройка "прибавочный продукт" над создаваемым продуктом физически невозможна. Но она, добавлю, возможна социально. Не теоретически, а в реальности грань между тем, что считать "необходимой", а что считать "прибавочной" частями созданного продукта проводилась внеэкономическим волевым способом. Эта внеэкономичность определялась несколькими факторами: силовой "сделочной позицией" господ, соотношением сил "верхов" и "низов", обычаем, минимумом выживания при ведении данного типа хозяйства и отношением трудящихся к власти, обусловленное тем, насколько она уважает их право на существование (в крестьянских обществах — это "моральная экономика крестьянина", строящаяся на иных принципах, чем политэкономия капитализма). Иными словами, в реальности различие между необходимым и прибавочным трудом не столько определяется узкопроизводственным образом, сколько является проекцией соотношения социальных (классовых) сил и обычаями, учитывающими "моральную экономику". Маркс, однако, упирал на экономически-производственный характер данного различия и тем самым нарушал свой метод, свои методологические принципы.

Ещё один вопрос. Суть в следующем. Согласно схеме Маркса, переход от одной формации к другой происходил в результате того, что производительные силы перерастали производственные отношения, происходила социальная революция — переход к новой формации. Однако если бы всё это было действительно так, то уровень развития производительных сил новой формации уже в самом начале её существования должен был превосходить уровень развития производительных сил старой формации на её поздней стадии. В истории всё обстояло с точностью до наоборот. Феодализм достиг уровня развития производства поздней античности только в XI — начале XII в.; капитализм достиг уровня развития производства позднего ("высокого") феодализма (середина XIII — середина XIV в.) только в начале XVIII в. Налицо нечто противоположное тому, о чём писал Маркс. Вслед за кризисом старой формации наступал не взлёт, а упадок в течение нескольких веков; упрощение, варваризация, архаизация социальных отношений как средство и форма адаптации к кризису. И только потом, на основе новых социальных (производственных) отношений, новых форм социального контроля оформлялась новая система производства.

Как мог Маркс — блестящий ум и отменный знаток истории — упустить из виду этот факт? В принципе, в рамках его теории эта загадка разрешима. Дело в том, что Маркс не сводил производительные силы к вещественным факторам, "железкам"; он писал о естественных производительных силах, о социальных и духовных производительных силах, причём субординация не укладывается в примитивную схему "базис — надстройка", а носит вариативный характер. Производственные отношения выступают как производная форма социальных производительных сил и межсистемные ("межформационные") сдвиги. Это сдвиги, прежде всего, в конструкции и комбинации этого типа сил. Однако сам Маркс нигде и никогда этот свой методологический принцип не применил, оперируя производительными силами как чем-то вещественным, — всё то же противоречие метода и системы.

В РАБОТАХ МАРКСА, как мы видим, нередко присутствует то же противоречие между методом и системой, отмеченное исследователями, например, в работах Гегеля. В методологии Маркса акцентируется роль внеэкономических факторов в качестве определяющих социальную суть того или иного общества как системы. Общество в целом и есть совокупный процесс общественного производства. Как подчёркивал сам Маркс, специфика любого совокупного процесса определяется фазой распределения факторов производства, предшествующей действительному процессу производства. Это распределение носит внеэкономический характер, и даже капиталистическому накоплению (и производству) предшествует, как показал Маркс в 24-й главе I тома "Капитала", первоначальное накопление, т. е. силовой передел (огораживания, в ходе которых крестьян сгоняли с земли, пиратство и т. п.). И это естественно: в соответствии с диалектикой, будь то гегелевская или материалистическая, в основе любой системы лежат внесистемные предпосылки; как любил говорить Гегель, когда вещь начинается, её ещё нет. В системе же Маркса внеэкономические факторы отступают на второй план даже в том случае, если речь идёт о производственных внеэкономических факторах.

Методологическую суть социальной теории как научной программы Маркса В.В. Крылов сформулировал следующим образом:

— во-первых, характером производительных сил (т. е. структурой всего общества, обусловленной его отношением к природе) объясняет структуру производственных отношений (т. е. структуру всего общества, обусловленную отношением людей друг к другу);

— во-вторых, отношениями распределения факторов производства объясняет отношения распределения продуктов труда;

— в-третьих, в пределах собственности на факторы труда из отношений по поводу средств труда выводит отношения по поводу рабочей силы;

— в-четвёртых, характером присваиваемого объекта обусловливает и определяет характеристику самого присваивающего и неприсваивающего субъекта.

Внимательный анализ этих принципов позволяет понять, что экономику Маркс методологически рассматривал как элемент целого. В то же время, поскольку в центре его внимания был капитализм как система, в которой производственные отношения носят экономический характер (и это при том, что в случае тех зон за пределами Запада, где капиталу не противостоял наёмный труд, капитал вырождался в ту или иную форму богатства, а сам капитализм создаёт от себя докапиталистические уклады, которых до него в этих зонах не существовало: плантационное рабство, латифундии и т. п.), в своей системе он акцентировал их значение, нередко перенося это на принципиально иные ситуации. И тем не менее "капиталоцентризма" у Маркса не так много, отдельные случаи корректируются его методом.

Принципы историзма и системности, а также Марксов метод восхождения от абстрактного к конкретному позволяют создавать модели не только современного Марксу капиталистического общества и не только его более поздних форм, но также докапиталистических социумов и общества системного антикапитализма — СССР. Другое дело, что западные советологи, советские истматчики и постсоветские политологи, социологи и экономисты "компрадорского типа" не просто не использовали такую возможность, но принципиально от неё отказались. А ведь Маркс удивительно точно предсказал ряд тенденций развития капитализма на его поздней стадии. Только один пример. Маркс писал, что по мере всё большего охвата мира капитализмом экономические кризисы будут становиться всё более частыми и сильными, пока не сольются в один всемирный кризис. Мы это видим воочию. В условиях глобализации происходит не просто учащение и усиление кризисов, сама глобализация — это перманентный терминальный кризис капитализма.

Во второй половине XX века было немало "спецов", поспешивших пнуть Маркса за его тезис о нарастании относительного и абсолютного обнищания в условиях капитализма. В качестве контрпримера приводили Запад 1945–1975 гг., т. е. большей части второй половины XX века. Фальшивка здесь заключается в следующем.

Начну с того, что мерить абсолютное и относительное обнищание трудящихся, ограничиваясь ядром капсистемы, т. е. зоной, куда притекает, перекачивается прибыль, — грубая ошибка. Данный вопрос должен ставиться и исследоваться в масштабах мировой системы капитализма в целом, т. е. включая те зоны (а их большинство), откуда прибыль изымается. Капитализм — это не только США, ФРГ, Люксембург и Швеция, это также Гаити и Колумбия, Нигер и Конго, Бангладеш и Филиппины, т. е. не только ядро, но также периферия и полупериферия. При таком подходе оценка, данная Марксом, оказывается верна. Это что касается проблемы пространства. Теперь о времени.

Выставлять период 1945–1975 гг. и вообще второй половины XX века в качестве "нормы" состояния капиталистической системы, как это делали и делают на Западе пропагандисты-апологеты капитализма, а у нас — сначала перестроечная шпана, а затем её малообразованные постсоветские последыши — в лучшем случае грубая ошибка, в худшем — фальсификация и ложь.

"Славное тридцатилетие", как называли французы отрезок истории Запада между 1945 и 1975 гг., ставшее периодом быстрого экономического роста, расцвета среднего слоя и подъёма welfare state (государства всеобщего социального обеспечения) было не нормой, а отклонением от нормального развития капитализма, краткосрочным исключением из долгосрочного правила. Об этом уже немало написано, одна из последних работ — научный бестселлер одного из крупнейших специалистов по проблеме мирового социально-экономического неравенства Тома Пикетти "Капитал в XXI веке". Пикетти убедительно показал, что "славное тридцатилетие" было исключительным периодом в истории капитализма, когда экономическое неравенство в ядре капиталистической системы несколько снизилось, а с конца 1970-х годов по мере развёртывания неолиберальной контрреволюции стало расти, постоянно ускоряясь. С начала XXI века рост неравенства приобрёл галопирующий характер: богатые богатеют, бедные беднеют во всём мире. Формируется общество, которое социологи охарактеризовали "20:80": 20% богатых и сверхбогатых, 80% бедных и нищих — и никакого среднего слоя.

Главной причиной того, что в послевоенный период буржуины решили немного поделиться со средним слоем и верхушкой рабочего класса, было существование СССР — системного антикапитализма, который вплоть до конца 1960-х годов воспринимался в мире в качестве успешной альтернативы капитализму. В связи с этим верхушке капсистемы приходилось отклонять развитие последней от нормы ("железной пяты") в социалистическую сторону. А пропагандистски этот отклоняющийся, девиантный капитализм с квазисоциалистической "социальной косметикой" выставлялся как норма, как демократический гуманный строй, противостоящий "советской тоталитарной системе". С конца 1970-х годов по мере, с одной стороны, ослабления СССР, а с другой стороны, давления на истеблишмент квазисоциалистической бюрократии welfare state левых партий и профсоюзов, за которыми стояли определённые сегменты среднего слоя и рабочего класса, буржуазная верхушка перешла в контрнаступление как внутри своих стран (неолиберальная контрреволюция), так и на международной арене (рейгановское наступление на СССР, нацеленное на перехват исторической инициативы у Советского Союза). После разрушения СССР, когда верхушке буржуинов уже не надо было откупаться от своих "мидлов" и "пролов", капитализм вернулся к своей "железопятной" норме неравенства. Это и показал Пикетти, доказав своим исследованием правоту Маркса.

МАРКС НЕ ЛЮБИЛ РОССИЮ — это факт. Причём не только как царизм и самодержавие — в этом пытаются убеждать его вульгарные апологеты, — но и как "страну славян". И Маркс, и Энгельс относились к славянам как к менее развитому, менее историчному народу, чем западноевропейцы, прежде всего немцы. Ну что же, более или менее скрытый расизм по отношению к славянам, к русским всегда был характерен для части западных мыслителей. Нас в данном контексте это не должно волновать: зафиксировали и запомнили хорошенько. К Марксу, его теории, к марксизму нужно подходить инструментально. Во-первых, как к недостроенной конструкции социального знания — альтернативного буржуазному. Во-вторых, как к идейно-информационному, а ещё точнее, психоисторическому оружию в борьбе с Западом. Когда-то Константин Леонтьев заметил, что чехи — это то "оружие", которое славяне отбили у немцев и против них же повернули. Так же нужно использовать созданный на Западе марксизм. Только нужно поставить его с ног на голову, т. е. проделать то, что в своё время сделал Ленин. Эта задача тем более своевременна, что наступает Время Маркса.

Объятый кризисом современный мир словно рвёт на части и выбрасывает одновременно в несколько различных эпох. Одна из них — "эпоха революций" (1789–1848 гг.), сформировавшая Маркса и марксизм. Тогда основная масса низов ещё не превратилась в рабочий класс, а представляла собой "опасные классы". Сегодня бóльшая часть низов в капсистеме — это уже не рабочий класс, а прекариат ("хрупкий класс") и маргиналы. Круг истории повернулся на 180º: 2018-й оказался ближе к 1818-му, чем к 1918-му! Рассасывается и средний слой, подъём которого начался в середине XIX века, аккурат во время написания "Капитала". Верхи капсистемы переживают кризис, зеркальный правда уже не Времени Маркса, а Времени Босха, Брейгеля Старшего и Дюрера: "Большие рыбы пожирают малых", "Рыцарь, смерть и дьявол".

Совмещение времён Маркса и Босха наводит на интересные мысли: "хронолинейка", линейное время капитализма с его прогрессом сворачивается в "хронолист" Мёбиуса, в цикл — и мы попадаем в мир Тойнби, Вико и Ибн Хальдуна. Кстати, анализ последних четырёх фаз поколений деградации правящих верхушек арабских политий, воспроизведённый по-своему Томасом Манном в романе "Будденброки", весьма пригодится в анализе деградации и подверженности психическим эпидемиям правящих верхушек нынешнего Запада. Ибн Хальдун также писал о переселении племён бедуинов, резавших старую, разжиревшую и разложившуюся элиту. А разве не новое переселение народов — целых кланов с Ближнего Востока и из Африки в Западную Европу мы видим сегодня? Они прибывают и превращаются в то, что Тойнби называл "внутренним пролетариатом", но пролетариатом не в капиталистическом, а в древнеримском смысле — те, кто существует и плодится не работая, на подачки государства.

Выходит, весь прогресс буржуазного Запада был всего лишь короткой прямой линией внутри длинного исторического цикла, переходящего на наших глазах в регрессивную фазу; причём в эту фазу одновременно переходят сразу несколько циклов различной длительности, но переходят одновременно, образуя мощнейший, небывалый в истории "волновой резонанс".

Как знать, не является ли Маркс последним светским пророком линейного Времени авраамических религий, фиксирующим, что время этого Времени подошло к концу; "линейка" сворачивается, и наступает время циклического Времени старых, умудрённых опытом цивилизаций "ведического кластера" (нашей древневедической, индийской, древнегреческой), китайской, майя. И не значит ли это, что создавать новое социальное знание, используя в том числе реконструированную теорию Маркса (а опыт В. В. Крылова показал, что оттуда многое можно вытащить — причём огня там больше, чем пепла, нужно только правильно поставленное "сталкерство" в этой "зоне") следует не просто на антикапиталистической основе? Похоже, в нынешних обстоятельствах стремительного умирания капитализма это — "мелкий заплыв", но на нелинейной основе циклических схем, вступающих в сложные диалектические отношения с линейными и превращающими их в свой частный случай. Если это так, то мы должны быть благодарны Марксу и за то, что, с одной стороны, он подвёл нас почти к пределу возможностей качественного развития линейных схем, открывая, сам того не замечая, путь к циклическим; с другой — почти к пределу системного анализа, как бы указывая, что следующий логический шаг — "субъектный анализ", разработка знания об исторических субъектах как творцах систем. А это значит, что мы ещё повоюем — за Маркса, с Марксом и посредством Маркса и его теории как "психоисторического оружия".

Современный мир сползает в Средневековье. Гравюра А. ДЮРЕРА

ХПОСТРОФ

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ. Сто сорок писем Василия Белова. "Рыбинское подворье", 2018.
"Василий Белов. Воспоминания современников". "Книжный мир", 2018.

НЕМНОГИМ писателям удалось создать произведения, которые бы легли в основу целого и целостного направления. Явлением не только советской, русской, но и мировой литературы стала "деревенская проза". Писатели-деревенщики были кумирами общества. Они создавали прекрасные произведения, заставляющие сопереживать героям, равняться на них, позволяли понять человека, казалось бы, порой, чудаковатого, раскрывали перед городским жителем, знавшим о сельских буднях зачастую только понаслышке, душу деревенских людей, особенности их образа жизни и отношения к действительности. Но помимо этого, писатели-деревенщики ставили вопросы, поднимали проблемы, волнующие всё общество, и ставили вопросы так, что граждане заражались пафосом сопричастности. Умирающая деревня, поворот северных рек — глобальные проблемы, о которых писатели говорили всей стране: и простому человеку, и руководителям. Потому что сами были плоть от плоти, потому что жили на земле и жили землёй.

Одним из ярчайших представителей деревенской прозы был Василий Белов. Не только поэт в России больше, чем поэт, но и писатель. Василий Белов, ушедший из жизни в 2012 году, до последних дней был борцом, бойцом — просто за право русского человека жить своей жизнью, за право России своё суждение иметь, за право на достоинство страны во всём объёме: достоинство человека, литературы, истории.

Анатолий Грешневиков, писатель, депутат Государственной Думы, подготовивший к изданию и выпустивший две эти книги, делится: "Для меня Василий Белов был не только адвокатом русского крестьянства, не только классиком современной литературы…, но, главное, он всегда являлся для меня человеком, которому Бог даровал возможность крестьянского взгляда на мир… В письмах Василия Белова, которыми он одаривал меня долгие годы нашей дружбы, много личностного. Потому они представляют наиболее ценный исторический материал. Эти письма содержат огромное количество сведений о политике, литературе, искусстве, культуре. В них запечатлены взгляды писателя, его мировоззрение, тревоги, раздумья, характеристики, а также портреты известных политиков, писателей, деятелей культуры… Мои комментарии к письмам служат лишь дополнением и уточнением к тем малоизвестным фактам и событиям, которые волновали писателя".

Комментарии к письмам весьма развёрнуты. И превращаются одновременно в дневник страны того периода и философские рассуждения об историческом пути России.

А волновало Василия Белова всё, происходящее в стране. И он не боялся давать хотя и лаконичные (письма весьма невелики по объёму), но очень точные оценки. Вот первое приведённое в книге письмо Анатолию Грешневикову: "Дорогой Толя! "Расстрелянный парламент" прочёл одним духом… ты зря поддержал "Новый мир" своей публицистикой, это насквозь… знаешь, какой журнал… Впрочем. Это твоё дело. Нельзя ли обязать газеты публиковать фамилии погибших в Чечне ребят? Позор! Хоронят, как скотину. Пока. Белов".

И комментарий: "Письмо написано на открытке с изображением святой Софии. Василий Иванович любил присылать открытки. Делал он это осознанно, преследуя, как правило, две цели. Письмо на открытке экономило время. Белов умел ценить время и крепко переживал, если не успевал сделать намеченную работу. Ещё большее раздражение вызывали неотвеченные письма. Он считал себя обязанным — коротко, но отвечать и читателям, и особенно друзьям. Выполняла открытка и другую функцию — просветительскую. Белов посредством репродукции пытался донести до собеседника свои глубинные чувства к современным деятелям культуры и искусства, русским подвижникам, живописным уголкам России".

А далее — об отношениях Белова с толстыми журналами, в том числе к упомянутому "Новому миру", и роли этих изданий как в судьбах писателей, так и в общественной жизни страны…

Книга иллюстрирована редкими фотографиями, образцами рукописей.

Книга "Сто сорок писем Василия Белова" — уникальное издание. Да, немало опубликовано писем великих людей и комментариев к ним. Но здесь — письма к одному человеку и комментарии этого адресата, то есть человека, знающего, о чём идёт речь и в каких условиях написано послание, а потому — точных.

Познавательны и трогательны и "Воспоминания о Белове" самых разных людей. Помимо коллег-писателей (Владимир Крупин, Виктор Лихоносов, Владимир Костров), это и кинорежиссёр Николай Бурляев, художник Сергей Харламов, политики (Геннадий Зюганов, Сергей Бабурин, Сергей Глотов), это близкие люди.

Доверительная беседа с вдовой писателя Ольгой Беловой, озаглавленная "Я верила в него". Семья писателя, история знакомства, как жили, что волновало… Это всегда интересно услышать из первых уст. О личном — достойно и без сенсационной похабщины, что уже редкость в наше время обескураживающей открытости и откровенности.

И слова каждого человека вносят свою краску в портрет великого писателя. Интересен своим своеобразным взглядом и оценкой очерк почётного профессора Университета Васэда (Токио) Ясуи Рёхэй, завершающий книгу. "В последние годы Белов-сан пришёл к православной вере… В нём обрели полную силу охранительные почвенные тенденции, отвергающие евро-американский мир…"

Эти книги — пример издания, как говорили, "о времени и о себе". Книги о новом смутном времени и русском писателе Василии Белове, помогавшем и своим творчеством, и своим "стоянием" в эти проклятые девяностые, в годы безвременья выжить русскому человеку, а значит, и России.

Екатерина ГЛУШИК

Очередной номер — 2 (58) — журнала "Изборский клуб" посвящён проблеме мобилизации. В статье Александра Проханова "Здравствуй, мобилизация" говорится о жизненной необходимости для России мобилизационного проекта, без которого сама мобилизация невозможна. Группа экспертов в докладе Изборскому клубу "Мобилизация России: причины и цели" аргументирует, почему без мобилизации само существование России — под угрозой. В журнале также опубликованы материалы круглых столов "Мир накануне больших перемен" и "Выборы-2018: до и после". А также беседа Александра Проханова и Александра Агеева "Русский рывок. Когда?", интервью Александра Нагорного альманаху "Развитие и экономика" "Россия перед выбором: сдаться Америке или учиться у Китая?", статьи Сергея Белкина "Идеология мобилизации", Шамиля Султанова "Девять принципов мобилизационного проектирования", Леонида Ивашова "Геополитика современного миропорядка и мобилизационный проект для России", Владимира Овчинского "Мобилизационный проект в цифровом мире", Алексея Анпилогова "Культурная мобилизация: как объединить Россию в условиях цифрового века?", Егора Кваснюка "Национальные проблемы и мобилизационный проект", Юлии Черняховской "Сталинский проект: от глобального преобразования земли к освоению звёзд", статья Александра Проханова "Стиль Путин" посвящена особенностям методов руководства в современно России.

В рубрике "Стихия" опубликована поэма Алексея Яковлева-Козырева "Голгофа".

Справки по телефону 8-985-256-91-24.

ПОМОЧЬ ДЕТЯМ-ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ!

Больше полугода назад многодетная семья приютила у себя шестерых русских детей — граждан республики Таджикистан. Возраст детей от 8 до 16 лет. За это время дети многое преодолели: нашли друзей, успешно закончили учебный год, многие получили грамоты…

Но повылезали и болячки, которые дети привезли с собой, а так как оформление их как граждан РФ еще не закончено (процесс небыстрый), то и медицинские полисы получить пока нельзя (выдаются они только гражданам РФ), а без них, к большому сожалению, получить бесплатную медицинскую помощь невозможно. Перечень заболеваний довольно серьезный, требуется обследование у ортопеда/хирурга, у гастроэнтеролога, у невропатолога, а одному из мальчиков требуется срочное обследование у онколога, направление на Каширку (НИИ детской онкологии им. Блохина) уже на руках.

Благотворительный фонд помощи детям "Голос ребенка" обращается за помощью к читателям газеты "Завтра", которые не равнодушны к тому, что происходит рядом. И если у Вас есть возможность оказать посильную помощь, просим сделать это.

"ДА НЕ ОСКУДЕЕТ РУКА ДАЮЩЕГО!"

Карта сбербанка № 5469380068824472